

Евгения Изюмова

«Уходят всё дальше те годы в закаты...»

г. Волжский

*Эта небольшая повесть о моей родине и её людях
была опубликована в книге «СВЕТ
РОДИНЫ» в 2016 г. В неё вошёл и рассказ
«Дед Терентий», и свод отдельных
рассказов, написанных в разное время,
сразу превратился в небольшую повесть.*

*- «Верность», «Перекрёстки»(1996 г.), «Дети России», «Живая
память», «Дорога неровная» (2015 г.), соавтор
сборников «Мамаев
курган помнит» (2016 г.), «Четырнадцатый маршрут» и
«Волжане – защитники Сталинграда», «Любить эту землю» (2017 г.)*

РОДИНА МОЯ ЯСНОГЛАЗАЯ...

Родина... В это слово только россияне вкладывают особый смысл и всю свою любовь к Отчизне, которая греет душу человека. Но для каждого из нас на огромной карте страны есть заветная точка – которая зовётся малой Родиной. И к ней - особая любовь, она хранится в нашем сердце всю жизнь. Кто-то живёт, почти не выезжая за пределы своей малой Родины. А кто-то, как я, покидает её и «оседает» в другом месте. Я живу в Волжском почти сорок лет, но душа моя рвётся до сих пор на Урал, бродит во сне по тихим улицам города детства. Имя тому городу - Тавда...

Тавда - главный город района, который административно относится к Свердловской области, но, в сущности он, как выразился в своей книге тавдинский писатель Валерий Ермолаев - «часть Сибири, подаренная Уралу» во время преобразования сибирских губерний, пока не возникли две области - Тюменская и Свердловская. Я горжусь городом детства и хочу рассказать о нём, чтобы жители больших городов узнали о том, что и маленькие городки могут быть знаменитыми.

С севера Уральских гор текут две быстрые холодные реки - Сосьва да Лозьва. Встретились, обнялись-слились, и дальше побежала уже другая река - Тавда. Многоводная, то быстрая, то ленивая, течёт она мимо Вагильских да

Пелымских болот на встречу с Тоболом. По Тавде-реке, бывало, и Ермак хаживал на своих крепких и быстрых стругах. До самого Пелыма доходил. Даже песня была сложена:

*«Ой, да по реке Тавде, да по привольицу,
По привольицу, да по раздольицу
Да плывут косны лодочки,
Косны лодочки просмолённые...»*

Земля Сибирская поразила своим богатством Ермака - леса необозримые и могучие, зверьё в них разное, рыбы в реках - ловить-не переловить, и земля плодородная - есть ягоды, грибы, травы полезные.

И Притавдинский край не был исключением. Прекрасные нетронутые сосновые леса стояли вокруг. Ели были столь высоки, что запрокинешь голову, посмотришь на небо, и покажется тебе, что деревья подпирают остроконечными вершинами небо... Вот среди этой таёжной красоты и течёт Тавда, самая крупная река в Свердловской области, на которой стоит мой родной город. В Тавду впадает немало рек, в том числе и Пелым. А в пределах Тавдинского района притоков более десяти.

Течёт река в обширной долине, русло её прижато к правому берегу, который то обрывается к реке высокими ярами (один из них - Белый, в самом городе), то становится пологим, и весенняя река привольно растекается по нему. Во время паводка река в иные годы может подняться до семи метров, а уж 2,5 метра - её обычный подъём. Но были и катастрофические наводнения - чуть ли не до десяти метров поднимался уровень реки.

Я помню такое наводнение в 1957 году - река затопила часть улицы, где был наш дом, она доходила до самого деревянного тротуара, всплывшего вверх, словно плот, и малышня с восторгом ныряла с него в воду, гонялась за стайками мальков. Жители первых этажей двух крайних домов были выселены - вода стояла в их квартирах, а в нашем доме вода плескалась в подпольях, затопив съестные припасы.

Река Тавда стала для меня особым судьбоносным явлением, правда, в детские годы я того не понимала. Мы, ребята, жившие на ближних к реке улицах - Типографской, Лесопильщиков (бывшая ул. Сталина) и Лесной - всё лето плескались в её водах, ныряли с плотов к берегу, хотя не все умели плавать, но ныряли мастерски. Однажды я не рассчитала свои силы и отошла по плоту довольно далеко от берега. Нырнула, но реке не понравилась неразумная отвага девятилетней девчонки, и понесла она меня под скопление молевого леса (так зовутся брёвна, не связанные в плоты). Обессилив, я покорила реке, и когда уже видела над собой сквозь воду зелёное солнце, река сжалилась надо мной, послала спасителя - незнакомого парня, который выволок меня на берег. Не захотела река принять меня в свои объятия, видимо, знала, что мне уготована иная судьба - жить в другом городе. Ну, а спаситель не представился, отвесил мне подзатыльник, оделся и ушёл. Этот пример мужества и смелости навсегда остался в моей памяти.

Урок, который преподнесла мне тогда река, впрок не пошёл. Я часто гостила у тётушки Розы в посёлке Белый Яр выше по течению от нашей улицы. И спустя два года река опять «пошутила» со мной.

Двоюродные братья, Толик и Володя, часто брали меня с собой на рыбалку на бонты - так называются узкие пешеходные плоты, по которым во время загонки леса в накопитель лесокомбината ходили сплавщики. Петлёй из лески, закреплённой на короткой палочке, мы ловили щургаек (потавдински так звались маленькие щучки). Мне интересно было их ловить, но, заведя петлю-силок на жабры рыбёшки, я всё-таки не затягивала её, давала уйти, едва шевельнув палочкой. И щургайка тут же, как маленькая торпеда, ныряла в глубину реки.

До бонтов можно было добраться по ещё более узкому мостику, тоже плавающему, но нам, храбрецам, разве хотелось пройти сто метров до этого мостика? Мы перебежали на бонт по брёвнам молевого леса, который находился в затоне перед лесокомбинатом. Братья были старше меня лет на пять-семь, они ловко и быстро неслись вперёд, а я еле поспевала за ними и...

однажды поскользнулась на одном из брёвен в полметре от бонта, ухнула в воду. С перепугу даже закричать не сумела, лишь цеплялась за толстенное бревно, а оно вертелось под руками, норовя стукнуть меня по голове и отправить на дно. И вдруг Толик, старший из братьев, оглянулся, прыгнул ко мне, схватил за руку и выдернул меня из воды. Я шмякнулась на бонт и долго лежала, глядя в такое синее-синее небо и на яркое-преяркое солнце.

Разумеется, про этот случай мы тётё Розе не рассказали, не признались и в том, как чуть не потонули на середине реки, когда возвращались с рыбалки с противоположного берега, где было немало стариц, богатых рыбой. Уехали - было тихо и тепло, а к вечеру разгулялся ветер, по реке пошли крупные волны, они перехлёстывались через низкие борта лодки-плоскодонки. Двое самых сильных мальчишек гребли изо всех сил к берегу, а четверо руками и банками из-под червей вычерпывали воду... Ох, и попало братьям и мне заодно от их отца, когда мы, промокшие и замёрзшие, вернулись домой!

Однако был и другой памятный случай. В ту пору мне было лет пять, и тётушка, собравшись в «родительский день» навестить своих сыновей в пионерском лагере «Домики», взяла меня с собой. Пионерский лагерь находился вдали от города на берегу реки, и мы плыли туда на катере, маленьком пассажирском судёнышке. Зелёные леса, изумрудные заливные луга, песчаные золотистые отмели так потрясли мою душу своей красотой, что я, как прилипла к круглому иллюминатору, так и сидела смирно, изумлённо глядя, как берега «плыли» сами собой назад, пока катер под заунывный сигнал сирены не причалил к пристани «Домиков». Наверное, именно тогда я поняла что такое - истинная красота.

Толик и Володя умели плавать, как большинство юных тавдинцев. Я же плескалась у кромки воды и с завистью смотрела, как они ныряют и веселятся, обдавая друг друга каскадом брызг, радужных в лучах солнца. Заметив мой завистливый взгляд, братья принесли из корпуса наволочку, намочили её, хлопнули по воде, и она превратилась в поплавок, а я,

уцепившись за него, плыла рядом с братьями, пока материя не обмякла. Наволочку снова превратили в поплавок, и так было несколько раз, пока вожатые не сыграли отбой купанию. Гости поднялись на борт катера, а хозяева лагеря, толпясь на пристани, долго махали ему вслед панамками. Этот день то сих пор хранится в одном из потаённых уголков моей души.

Спасибо тебе, дорогая моему сердцу, река Тавда, что проучила меня за безрассудство и не прервала линию моей жизни, научив заодно ценить прекрасное! Но река и мой город не отпустили мою душу, хотя и живу в другом городе, а улица, где сегодняшней мой дом - бывшая улица имени Сталина.

Вокруг реки Тавды - многочисленные старицы и озёра, где рыбы всякой полно: щука, язь, окунь, плотва, ёрш... Мы никогда не пытались ловить налимов, твёрдо веря, что они питаются утопленниками, которых прячут под корягами на речном дне. Побаивались также ловить скользкого и юркого व्यюна, потому что плывущий व्यюн очень похож на змею. В Тавду-реку заходила и стерлядь. Отец однажды с рыбалки принёс пару стерлядок длиной около тридцати сантиметров, и я с интересом разглядывала незнакомую рыбку, не похожую ни на одну из тех, что попадались мне на крючок.

Ах, эти детские и юношеские воспоминания! Они живут в каждом человеке до самой кончины, и если правда, что в последние мгновения, как шагнуть человеку в мир иной, перед ним пролетают с космической скоростью все события его жизни, то я хочу, чтобы виделось мне в тот миг только хорошее. Например, тот день, когда довелось с друзьями побывать на одном из озёр. К сожалению, не помню его название, но зато до сих пор ощущаю вкус карасёвой ухи - такой я после никогда не едала.

Этот поход случился ранней весной, в начале мая - я тогда приехала домой из техникума на майские праздники. В лесу было полно мягкого, подмытого весенними ручьями, снега. Я, как и участники похода, была обута в резиновые сапоги - ноги не промокли, но очень замёрзли, потому что была

в тонких носках. Да и оделась легко. Но не замечала этого, полной грудью вдыхала удивительно чистый воздух соснового леса, радуясь обилию первоцветов - подснежников и медуниц.

Я впервые увидела медуницы (они не росли в лесу с западной стороны города, где я жила) - очень маленькие, нежные. На стебле три крохотных цветка - голубой, розовый и жёлтый. В лесу, куда мы бегали в подростковом возрасте за подснежниками, росли крупные шестилепестковые белые с лёгкой желтизной подснежники. А тут - такие же крупные цветы, но - голубого цвета. А вот в Поволжье подснежники - словно жёлтые или белые небольшие звёздочки, по крайней мере я иных не встречала.

Когда мы пришли к озеру, парни первым делом развели костёр на чьём-то старом кострище, возле которого я тут же уселась, сняла сапоги и стала отогревать ноги. Мои друзья, дети тамошнего лесника, прихватившие с собой по паре сухих тёплых носков, поняли, что я промёрзла до костей, и потому девушки тут же вручили мне носки, один из парней отдал тёплый свитер, другой - запасные брюки.

В походе у каждого своя обязанность, мне выпала кашеварская - училась я в большом городе, и друзья меня считали явной неумехой в рыбной ловле. Я это поняла и решила доказать, что и я - дитя своего города и реки, они же не знали, что с малолетства часто с отцом или двоюродными братьями ходила на реку ловить рыбу. И уж что-что, а уху варить умею.

Друзья, даже девушки, достали рыболовные снасти и разбежались по берегу озера. А я повесила над костром чайник, ведро, в котором предстояло варить уху, почистила картошку и занялась заготовкой топлива. Вскоре кликнула всех на чаепитие. Ребята тут же сбежались, расхватали кружки с горячим чаем, который был необычайно вкусным, потому что я добавила к заварке несколько известных мне ароматных трав, чем и заслужила молчаливое, но всё же одобрение.

Трое рыбаков вручили мне свой первый улов. И это было очень кстати - вода в ведре закипала. Один из парней ловко вычистил рыбу - караси были

золотистые, по-тавдински - жёлтые, крупные, и я тут же их отправила в котёл. И только мой помощник собрался рыбачить, как прибыла вторая партия рыбы. Первая закладка уже сварилась, я вытащила из ведра рыбу, помощник хотел уже созвать ребят, но я сказала, что намерена сварить «тройную» уху, так что пусть спокойно чистит рыбу и не мешает мне. Я запустила в уху второй улов, потом - третий. И лишь когда заправила варево специями - они были обычными в то время: лук, лавровый лист и чёрный перец горошком, тогда и застучала поварёшкой по ведру.

Рыболовы не заставили долго себя ждать - все проголодались. Они ели да нахваливали мою уху, а я пыжилась от гордости, что оказалась полезной в среде лесных бродяг.

Вечер был тихим. Я смотрела на озеро, круглое, словно тарелка, на темнеющий лес и крупные звёзды над головой, на яркое лунное пятно, что медленно плыло по водной глади, и так на душе было благодно...

Мы сидели у костра, пили чай, пели песни под гитарный аккомпанемент одного из парней. Наконец, и я осмелилась взять в руки семиструнку (шестиструнные гитары тогда были лишь в столичных ансамблях), чем удивила всех, кроме моей ближайшей подруги Галки - она-то знала, что давно уж сочиняю песни. Ночь наступила, а мы сидели у костра - спать не хотелось, хотя все явно устали за день. И всё-таки надо было отдохнуть, потому что никто не хотел пропустить утреннего клёва. А мне предстояло встать ещё раньше, чтобы вскипятить чай. Парни кинули жребий, кому когда дежурить у костра, чтобы не погас, и мы разбрелись по палаткам.

К полудню второго дня собрались в обратный путь. Удочки у меня, конечно, не было, но без улова я домой не вернулась - ребята вручили большой пакет с рыбой, которой хватило и на уху, и на жарёнку.

Уж прошло лет пятьдесят, а я всё помню и счастливые, умиротворённые лица друзей, и безымянное озеро с большим песчаным пляжем, рядом с которым мы обосновали свой лагерь - совестно нам было разводить костёр на

золотистом, уже прогретом солнцем, песке: к природе мы относились с уважением.

Моему родному городу не так уж много лет, если сравнить его возраст с крупными европейскими городами, однако у него и Притавдинского края есть своя славная история, которой тавдинцы, и я в том числе, очень гордятся.

О богатстве Притавдинья российское правительство узнало от Дмитрия Менделеева, который был родом из Тобольска, и однажды решил совершить путешествие по Сибири. Вернувшись, в отчёте царскому правительству написал о реке Тавде, и о том, что край тот, хоть удалённый, но не безлюдный. Он упомянул о суконной фабрике, расположенной в нескольких вёрстах от реки Тавды в глуши лесов. Одному Богу известно, почему основал владелец свою фабрику в столь уединённом месте, однако в посёлке, кроме конторы, были построены жилые дома и церковь, сооружён большой пруд, ведь для суконного производства требуется много воды. Это место ныне в границах города и до сих пор так и называется - Фабрика.

В селах Кошуки и Жиряково работали лесопильные заводи. Там даже строились баржи деревянные, и судёнышкам тем хватало работы: вниз по Тавде, далее по Тоболу да Иртышу на восток шло мочало, смола-живица - янтарные слезы сосновые, дёготь, древесный уголь, даже дрова отвозили в Тюмень. И правительство решило протянуть железную дорогу в этот богатый лесом, рыбой и зверьём край.

Строительство дороги протяжённостью более трёхсот километров по тем временам было недолгим - всего три года. Прокладывалась «железка» сквозь тайгу и болота с помощью кайла да лопаты, и 10 января 1916 года на станцию Тавда пришёл первый пассажирский поезд. Посёлок, в который упиралась новая железнодорожная ветка, назвали Верхней Тавдой, поскольку ниже по течению реки была ещё одна Тавда, получившая естественную приставку - Нижняя. Самым красивым зданием в посёлке был вокзал, своей остроконечной кровлей похожий на теремок. Вдоль путей от вокзала разбежались несколько улиц, не замедлили появиться и торговые люди,

потому рядом с вокзалом выросло заведение купца Семененко, но были и казённые магазины, ибо государство соблюдало свою выгоду и не собиралось предоставлять купцам возможность чрезмерно обогащаться.

Советская власть пришла в Верхнюю Тавду, как и в большинство уральских и сибирских городков, тихо и мирно в 1918 году. Население посёлка тогда составляло около тысячи человек, и мало кто из верхнетавдинцев представлял, что такое - революция, зачем она была нужна, и чем выгодна рабочему люду. Однако лемех гражданской войны пропахал и по Верхней Тавде - здесь побывали колчаковцы и оставили кровавый след, казнив несколько человек. Их похоронили наскоро в общей могиле неподалеку от станции, и лишь через несколько лет останки казнённых перенесли в первый городской сад - на светлую небольшую полянку среди кусочка соснового леса, специально оставленного для гуляния.

Верхняя Тавда при возврате советской власти стала расти стремительно, потому что быстрыми темпами развивались лесоперерабатывающие предприятия. В 1937 году население посёлка выросло до двадцати пяти тысяч жителей, и 21 июля посёлок получил статус города. Приставка Верхняя «отпала», и появился на карте город Тавда.

Почему-то повелось, что возраст города считают со дня получения своеобразного «паспорта» - официального получения статуса города. Согласно этому «паспорту» в 2017 году Тавде исполнится 80 лет, но датой рождения поселения можно считать и день завершения железной дороги Екатеринбург-Тавда, и даже выбрать день основания посёлка Фабрика... Но самое главное - Притавдинский край сам по себе очень древний. Именно Ермак Тимофеевич открыл Притавдинье для Руси - на реке Тавде даже есть пережат, который назван Казачьим.

Впрочем, река Тавда и до Ермака была оживлённым речным путём. Это определил в 1880-е годы тюменский историк-краевед И. Я. Словцов, впервые осмотревший не только некоторые архитектурные памятники Кошукской волости, но и городище у озера Янычково. Однако более глубокие раскопки

стали производиться при советской власти сначала в 1950-е годы, а потом в 1979-1982 годах. И первые же находки показали, что тавдинская земля была заселена с древнейших времён и довольно плотно. Многие из археологических находок относятся... к эпохам бронзы, раннего железа и средневековья! В Янычковском городище первые люди появились в эпоху бронзы во II тысячелетии до н.э. С IV века нашей эры поселение это стало постоянным - там обосновались древние вогуличи-манси. Жили они в бревенчатых срубных полуземлянках, покрытых берестой и дерном, внутри - глинобитные очаги, настилы-нары, застеленные циновками из травы. Были в каждом городище и примитивные плавильные ямы. Найденные различные вещи - женские подвески, керамическая посуда, глиняные фигурки и даже бронзовые зеркала - говорят о широких связях местных племён с другими народами Западной Сибири, Урала, Казахстана.

Приход Ермака в Сибирь способствовал заселению этого края русскими переселенцами, которые часто брали в жёны молодых вогулок. И появлялись на свет племена широкоскулых и смугловатых сибиряков, и чем дальше, тем больше среди них стало светлоглазых и белоголовых детей, и в характере новой народности легко ужились широта русской природы и азиатской невозмутимости. Этот знаменитый сибирский характер хорошо стал известен фашистским захватчикам под Сталинградом.

Уроженцы этого края есть во многих городах и селениях России, и если слышу фамилии - Анпин, Азанов, Колчанов, Карабашев, Костин, Халтурин, Нерлов, Янычков, Гузеев, то можно с уверенностью сказать, что они - потомки замечательного народа с широкой и храброй уральско-сибирской душой, многие века живущего на берегах реки Тавды, и потому на сердце становится тепло: они для меня вроде земляков.

А в Тавде живут мои друзья, и они всегда рады встрече со мной. И всякий раз, приезжая туда, провожу авторские встречи в библиотеках и в городском Музее леса, и это словно отчёт перед родным городом, что удалось мне свершить между встречами с ним.

Родина моя, ясноглазая от множества озёр, больших и маленьких, не забывай меня, а я буду помнить тебя до последнего вздоха! Но пусть он наступит нескоро, потому что я хочу ещё много раз приехать к тебе, чтобы умыться водой реки Тавды...

ФРОНТУ БЕЗ ТЫЛА - НИКАК!

Великая Отечественная война не обошла стороной Тавду, хотя и находилась она далеко от линии фронта. Уже в первые полгода на фронт ушло более тысячи тавдинцев. Они защищали небо над Москвой, бились под Сталинградом, многих судьба забрасывала в партизанские отряды. Около двух с половиной тысяч тавдинцев награждены за ратные подвиги боевыми наградами. Среди них немало полных кавалеров орденов Славы. Тавда, можно сказать, имеет и «своего» генерала - Михаила Шевелёва, который попал на фронт сразу после окончания военного училища. Есть и Герои Советского Союза - лётчик-истребитель Аггей Елохин, погибший в небе Харькова, Кузьма Зуев с открытой огневой позиции прямой наводкой сумел подбить 15 вражеских танков, другой артиллерист, Фёдор Попков, при форсировании Днепра отбил атаку девяти танков, Абрам Сапожников, командир противотанковых орудий, получил Звезду Героя за героизм в битве за Берлин, а Борис Россохин, лётчик штурмовой авиации, отважно сражался в боях за освобождение Польши и в штурме Берлина. Многие тавдинцы не вернулись домой, среди них - отец моих братьев и сестры: Максим Егорович Горошников и его трое братьев - Михаил, Василий, Григорий.

В то время, когда мужчины защищали Родину, женщины и дети помогали им на заводах и в колхозах. Лесокомбинат отправлял на нужды фронта пиломатериал. Эвакуированный вместе с оборудованием с западной части страны фанерный комбинат дал первую продукцию уже 22 июля 1941 года - она нужна была авиационной промышленности как «заменитель алюминия», в том числе и фанера-пластик для изготовления пропеллеров.

Не покладая рук трудились и колхозники. Моя мама, Павла Фёдоровна Горошникова, некоторое время возглавляла колхоз «Красные орлы», она рассказывала, как трудно давался хлеб женщинам-колхозницам.

Уделяя внимание фронтовикам, мы иногда забываем, что без крепкого тыла трудно воевать: тыл помогает оружием, продуктами, всем необходимым, что требуется фронту, часто отрывая от себя последнее. О том, насколько был надёжен тыл в годы Великой Отечественной войны, мы знаем из кинофильмов и книг. Но самые бесценные сведения - записи тружеников тыла: там правда и одна только правда, ибо невозможно лгать самому себе.

Я держу в руках пожелтевшие от времени, исписанные убористым округлым почерком. Это воспоминания моей мамы, которая уже почти сорок лет в мире ином. В них - тревога за тех, кто воевал, надежда на благоприятный исход войны и возвращение родных людей с фронта, а также про трудности быта в тылу. Всю войну мама работала там, куда посылала её партия - она стала коммунисткой накануне войны. Главным лозунгом для неё и всех, кто её окружал, был призыв: «Всё для фронта, всё для победы!» И они отдавали все силы ради своих мужей и сыновей, которые были на фронте, помогая приближать Победу ежедневно, иногда чуть ли не каторжным трудом. Вся страна встала на защиту своей Большой Родины, обеспечивая фронт всем необходимым.

Перед самой войной семья Горошниковых переехала из города Тавды в село Жиряково, а родители и братья Максима Егоровича, первого мужа моей мамы, жили в селении, которое называлось скромно «14 участок», зато тамошний колхоз носил звонкое и гордое имя - «Красные орлы». Колхозы Жиряковского сельсовета Тавдинского района Свердловской области были вполне зажиточными и почти все начинались со слова «Красный» - «Красный север», «Красный Октябрь»...

В Жиряково мама стала заведовать избой-читальней, которую по её предложению расширили на весь первый этаж двухэтажного дома, сделали стеллажи для книг и газет, соорудили сцену. Получился вместительный клуб.

Колхоз приобрёл патефон, пластинки, и каждый вечер жиряковцы приходили туда и хором подпевали патефону, а потом мама организовала кружок художественной самодеятельности. Шёл май 1941 года. В воздухе витала угроза войны, и время бежало, неумолимо приближая начало самой кровавой войны двадцатого века... И она грянула!

Война для семьи Горошниковых началась так же, как и для всей страны: с сообщения о нападении Германии на СССР. 22 июня 1941 года Павла и Максим поехали в Тавду за покупками для детей – подросли дочь Лида, младший сын Гена, а старший, Витя, вообще рос не по дням, а по часам...

А дальше - записи Павлы Фёдоровны Горошниковой. Женщины во время войны горе выливали в подушку-подружку, а мама свои мысли доверяла бумаге, ведь она до переезда в Жиряково работала в городской газете «Тавдинская правда».

«...Возвращаясь домой, мы заехали к Лизе и Ефиму Чайка, нашим тавдинским друзьям. Задержались у них часов до двух, и вдруг из радио раздалось, что сейчас будет важное правительственное сообщение - голос диктора был взволнованным. И услышали: «Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня, в 4 часов утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города... Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил Отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу...» Обращение правительства читал Молотов.

Мы тут же собрались и поехали в Жиряково. Хоть и слышали всё сами, а не верилось, что пришла беда. Максим держался бодро, мол, вздуем германцев - надолго русских запомнят. Думали, первыми принесём весть в Жиряково про войну, но туда уже сообщили по телефону: в райкоме об этом узнали из области.

В первые дни ушли на фронт из окружных деревень несколько молодых мужчин, которым не было и тридцати лет. Они уезжали с песнями, обещая вернуться через пару месяцев. Но этого не случилось - судя по сводкам, фашисты всё дальше и дальше шли вглубь страны. А в Жиряково жили по-прежнему и готовились к уборке зерновых, которые выдались в тот год очень богатыми, и сердца хлеборобов наполнялись гордостью, но омрачалась она тем, что война разгоралась всё больше, и пришли уже первые «похоронки».

26 августа 1941 года мобилизовали сразу десять человек, колхозники об этом узнали неожиданно во время концерта, который шёл в избе-читальне.

Моя младшая сестра Роза лихо танцевала «Цыганочку». Черноволосая, кудрявая, она и сама была похожа на цыганку. И вдруг от дверей крикнули: «От имени призывников прошу: спляши ещё раз!» А призывники - шёл уже 1902 год рождения - Максим Горошников, Александр Кожевников, Александр Бочкарёв... Всем им было по тридцать девять лет, повестки из райвоенкомата им доставили с нарочным. Потом ушли на фронт и те, кому исполнилось по семнадцать лет. И остались в селе женщины, дети да старики...

Теперь изба-читальня в Жиряково открывалась раз в неделю, а в остальные дни я отправлялась в другие колхозы: от райкома задания поступали всё труднее и труднее. В походах по сёлам меня всегда сопровождал старший сын Витя, которому шёл всего десятый годок.

Маршрут у нас был один и тот же: выйдя из Жиряково, шли в Забор, потом на Увал... Во всех колхозах Жиряковского сельсовета я выпускала стенгазету, в которой писала о колхозных делах, писала лозунги, призывающие колхозников самоотверженно трудиться во имя победы.

Собственно, женщин и призывать особо не надо было, они и так трудились не покладая рук за себя и ушедших на фронт мужей.

Бумаги подходящей не было, потому использовала старые газеты, а вместо чернил шёл в дело свекольный сок. Потом шли в поле, где избача ожидали всегда с нетерпением. Я читала вслух свежие газеты со сводками Совинформбюро о положении на фронтах. Очень все переживали, что идут бои под Москвой, а когда узнали, что Сталин остался в Москве, а не эвакуировался вместе с правительством, то очень обрадовались: теперь фашистам ни за что не взять Москву. Почему-то многие считали, что если враг захватит Москву, и она «будет под немцем», то и всей стране конец придёт. Иногда неграмотные солдатки просили прочесть письма с фронта и написать ответ.

Обычно солдаты писали: «Здравствуйте, мои дорогие. Я жив и здоров, чего и вам желаю», - о фронтовой жизни писали мало, зато всегда спрашивали о колхозных делах, просили беречь себя и детей воспитывать в строгости, был и детям обязательный наказ: «Не балуй, слушай маму, помогай ей по хозяйству и хорошо учись, потому что после войны мы заживём счастливо, и грамотные люди нам будут всюду нужны». А на фронт уходили такие письма: «За нас не беспокойся. Мы живём хорошо. С работой в колхозе справляемся. Скорей добивай проклятого фашиста и возвращайся домой. Заждались мы тебя, соскучились по тебе», - и ни слова о тех трудностях, которые женщины переживали в тылу: пусть солдат спокойно воюет, не беспокоится о близких, каждая солдатка понимала, что мужу на фронте во много раз труднее и опаснее.

Если засветло мы не успевали обойти все колхозы, то оставались в каком-нибудь селе. В Заборе, например, останавливались у почтальонки Офимьи. Она прекрасно знала, легко ли пешком за день обойти все колхозы, потому приглашала нас к себе сама. А какая была сплочённость у людей! Все были готовы помогать друг-другу. Эту доброту людскую я почувствовала на себе. У меня не было подсобного хозяйства, жили мы лишь на мою зарплату,

а семья большая: я, четверо детей, мама, сестра... Вот солдатки и давали - кто несколько морковок, кто картошки немного даст. А мама с охотой ездила в Тавду на рынок, чтобы обменять мою да Максимову одежду на продукты. Менять скоро стало нечего, обносились я, и в одном из сёл мне подарили кусок холста, из него сшила юбку, покрасила его марганцовкой и ходила в ней да в лаптях, что дед-сосед мне сплёл, до самых холодов.

Когда началась подписка на облигации государственного займа, из района стали присылать уполномоченных райкома партии, которые, как правило, не знали местных дорог, и тогда за помощью обращались ко мне. Отказаться было невозможно, такое в то время мне и в голову не приходило, потому что главными словами для нас всех стали - «надо, долг, должен». Ну, а я успела узнать людей, умела найти к ним подход, потому подписка всегда проходила успешно. Да и сама приобретала сотенные, полусотенные, четвертные, ни на что не годные цветные бумажки. Правда, поговаривали: если начнутся розыгрыши, то может выпасть и большой выигрыш. Да не о выигрышах думали люди, а о том, как бы скорее война закончилась.

Кроме того, объявлялся сбор средств, например, на Уральскую танковую колонну или Уральскую воздушную эскадрилью. Собирались тёплые вещи для фронтовиков и партизан - валенки, рукавицы, полушубки. К каждому празднику - Октябрьскому или Первомаю - поступала разнарядка на подготовку праздничных посылок, и вновь приходилось идти по деревням, разговаривать с колхозниками, убеждать их в необходимости таких сборов. И никто не противился, понимали: надо. Отправим посылки на фронт, а к новому году пора составлять отчёты Центральному Комитету КПСС и товарищу Сталину о проделанной работе, и всякий раз под отчётом должен был подписаться каждый колхозник. И опять мы с Витей отправлялись в путь, несмотря на непогоду... А с началом учебного года мне пришлось ходить по колхозам одной.

Так вот в постоянных походах по бригадам Жиряковского колхоза и прошло почти два года. И вдруг меня вызвали в райком и сказали, что будут

рекомендовать колхозникам «Красных орлов» выбрать меня председателем. Я перепугалась: как руководить колхозом, ничего не понимая в крестьянстве? Но – надо. И мы переехали на Четырнадцатый участок.

Свободного дома в деревне не оказалось: в каждом живут эвакуированные, и в родовой дом Максима подселили женщину с тремя детьми, так что я даже не обратилась к свекрови по поводу жилья. И стали мы жить в старой тележной мастерской, где даже печи не было, и потому там соорудили печку-железянку, а попросту - «буржуйку». Шёл декабрь 1943 года...

Первым делом я направилась на животноводческую ферму. По дороге зашла в конюшню. Вошла и обомлела: кони стоят, привязанные вожжами к потолку.

- Почему? – спросила конюха.

- А они сами стоять от голода не могут - падают, - ответил тот.

В коровнике - коровы худющие, рёбра выпирают, лежат с закрытыми глазами, даже жвачку не жуют. Впрочем, кормушки пусты, вылизаны добела. В овчарне - то же самое. Я запоздало схватилась за голову: какой хомут себе на шею надела! И отказаться невозможно - нагоняй бы получила по партийной линии: с коммунистов спрашивали за провинность очень строго. Однако надо жить и работать, потому собрала стариков-колхозников.

- Что делать будем, товарищи? Весна подойдёт, а пахать не на ком, да и коровы перемрут. Подскажите, родные, что делать, я же городская, в сельском хозяйстве мало разбираюсь, помогайте, если выбрали председателем.

Старики напустили на себя суровый вид, но вижу - довольны, что к ним обратилась за помощью.

- Ну что ж, - отвечают, - коли ты с нами не погнушалась посоветоваться, то давай и думать вместе. Не успели мы корма вовремя приготовить: руки-то ребячьи да бабьи. А предложение наше такое: надо снять солому с крыш старых молотильных токов. Солому порубить, побрызгать солёной водой, да охвостья от вейлок собрать, смолоть и

понемногу добавлять к соломенной сечке, тем и кормить скот. Может, до весны и продержится животино.

Так и сделали. Сняли солому, отрядили счетовода в город за солью, старики охвостья смололи. Дня через два опять пришли ко мне. Стоят, мнутя, друг на друга поглядывают:

- Тут вот какое дело, можно ещё корм найти...

- Где? – спросила я.

- В лесу мы заприметили стог сена, видать, кто-то из городских до войны поставил. А что, если мы его увезём? Разреши взять пару подвод.

- А если поймают? - засомневалась я дать «добро» на это дело: ещё ни разу, как завещал отчим, я не брала чужого. И детям говорила: «На земле лежит, не вами положено – не берите!»

Старики заулыбались:

- Не бойсь, Пал Фёдна, мы ночью съездим, и так всё сделаем - комар носа не подточит. Да и не будет никто сено искать, оно уж, поди-ка, года три там лежит...

- Ну что же, действуйте, - разрешила я, хотя и страшно было, как бы райком не узнал: вдруг это сено из другого колхоза?

Старики привезли сено, им подкармливали коров. Вот на сене том да соломе и дотянули взрослых животных в «Красных орлах» до весны. Но пришла новая беда: начался падёж телят и овец, им-то не очень подходит соломенная сечка да сено, тем более, что и его было мало – коровушки ели не досыта. Обратилась я за помощью в район, чтобы кормов дали, а там ответили: «Изворачивайся сама! Другие-то председатели находят выход!» А как изворачиваться? И ветеринарной помощи нет, и скрыть падёж нельзя - можно пойти под суд, потому что каждое животное на учёте, и если нарушена отчётность, то председателю придётся несладко. И я решила: «Конечно, за падёж попадёт, но уж если попадёт, то надо сделать так, чтоб хотя бы колхозу выгода была». Опять позвала стариков на совет: «Подскажите!»

- Хороший хозяин, - сказали старики, - пока животное не издохло, если оно, конечно, не заразное, обязательно прирежет. Вот и мы давайте так сделаем. Пиши правду в сводке, сколько пало, а мы будем следить за этим делом. Как только станет ясно, что животина вот-вот падёт, тут мы её и прирежем. Вот и будет, хоть худосочное, но мяско, добрый приварок.

Конечно, мне крепко попало за снижение поголовья колхозного стада, отругали и за то, что мясо колхозникам раздала (кто-то, видимо, сообщил в райком партии), а не на мясокомбинат отвезла. Но дальше этого дело не пошло, даже выговор по партийной линии не получила, потому что твердила: животные пали и захоронены, да и старики-животноводы это подтвердили. В самом деле, кто докажет, что животное забили при последнем издыхании, а не сбросили мёртвым в ров - в отчёте-то истинное поголовье указано. Может, не наказали ещё и потому, что некем было меня заменить: в колхозе - безграмотные женщины да старики с детишками остались, а я всё же педагогическое образование имела, легче было разобраться с делами. А «стукача» так и не нашли, хотя старики и провели собственное «расследование». Думаю, что это был кто-то из недоброжелателей Максима. Дело в том, что он был одним из организаторов колхоза на 14-ом участке, проводил раскулачивание зажиточных односельчан, и кое-кто из тех семей мне выговаривал: «Твой Максим наше хозяйство разорил!» Удивительно, но эти «разорённые» жили в такое трудное и голодное время лучше других, видно, осталось у них кое-что и после раскулачивания, и несколько местных франтих носили мои платья, отданные им в обмен на продукты, иной раз и за деньги.

Началась посевная. Председатели установили очередь по жребью на сельхозтехнику в МТС. Однако вперёд всех технику получали, конечно, самые ушлые мужики с помощью самогонки, а я намаялась, пока добыла её. И колхозных коней было мало, так что кое-как вспахать бы колхозные поля, тут уж не до личных огородов. Собрала колхозников, объяснила, что придётся пахать приусадебные участки после общей посевной. Конечно, много было

обид, но иначе я поступить не могла: за нарушение графика пахоты и планов посева с председателями спрашивали строго, вплоть до суда.

Но русские женщины - терпеливые и сообразительные. И сообразили. Жуткое зрелище однажды предстало перед моими глазами: колхозницы стали огороды пахать на себе. В соседних колхозах пахали на коровах, но женщины на Четырнадцатом участке своих рогатых кормилиц берегли: падут, и хоть помирай. Потому объединялись в артели и поочередно пахали свои огороды после трудового дня в колхозе. Страшно было на это смотреть...

Хлеба на трудодни к весне не осталось: подчистую сдали государству хлебо-поставки, только семенной фонд в амбаре был. Колхозники ели разную траву: крапиву молодую, лебеду, листья одуванчиков. Ребятня лазила по сосняку, собирала «пестики» - молодые отростки веток, их так ели или же варили отвар, спасаясь от цинги. Резали чагу - берёзовые наросты на чай, собирали липовый цвет и листья, выкапывали корни репейника... Где уж тут быть сытым?

Однажды перед выездом в поле в правление ввалилась толпа женщин. Они были злые, готовые, наверное, на многое. И с порога:

- Или давай хлеба, председатель, или на работу не пойдём! С голоду скоро подохнем! Давай половину семян!

- Бабы, ведь и мой муж там, где и ваши, - сказала я. - Только мой уже погиб, наверное: без вести пропавший - почти погибший, а у вас есть и живые. Они там, на фронте, как в аду, среди грохота пушек и пулемётов, каждого из них могут убить. Ну, давайте бросим работу, поделим семенной фонд, оставим их без будущего хлеба, пусть голодают, да? Вы голодаете, а я разве нет? Не мои ли дети вместе с вашими на полях мёрзлую картошку ищут да траву собирают? Да, мы - голодные, но у нас хоть крыша над головой, нам хоть тепло, не рвутся снаряды над нами, пули рядом не свистят. А мужьям нашим... Ну, давайте бросим всё, сложим руки, пусть немцы придут и сюда, потому что фронту без нас - никак! А семена... Не дам я вам семена, хоть убейте, потому что без этих семян мы не сможем выжить вообще.

Женщины затихли, но я чувствовала, могут взбунтоваться окончательно, отберут ключи от семенного амбара, растащат зерно. Но поднялась со скамьи одна из них и крепко выругалась:

- Ах, в мать-перемать такую жизнь! Пошли, бабы, в поле, верно Паня говорит, чего уж там...

И женщины гуськом потянулись к выходу.

Отсеялись. Запаслись сеном. Сняли урожай. Сдали государству хлебопоставки. Засыпали семенной фонд, страховой фонд, а на трудодни-то и делить вновь нечего. Хорошо, что есть у колхозников огороды, а с них - овощи. Есть коровы, овцы да козы на подворьях, подкормилась скотина летом, всё-таки жить можно. А у меня опять ничего нет. И не знала, чем кормить семью в наступающую зиму. И тогда написала заявление в райком партии, чтобы отозвали обратно в город, где хоть и нет подсобного хозяйства, но есть продовольственные карточки на работающих и иждивенцев. Замену прислали, но в Тавду не направили, а назначили председателем Жиряковского сельсовета. И опять я безропотно приняла назначение – коммунистка, и должна честно работать там, куда послала партия.

Но однажды так припекло, что чуть сама не отравилась, и всю семью не отравила - лето как-то перебились: жили мы опять в Жиряково в прежней квартире над избой читальней. Мама под окнами разбила небольшой огородик, да того, что выросло на огороде, хватило едва до октябрьских праздников, и страшно было смотреть в голодные глаза детей. Вот и пришла в голову дурная мысль, тем более что уже окончательно уверилась: за четыре года от мужа никакой весточки, значит - погиб. Я ездила к нему в ноябре 1941 года в Еланские лагеря, и когда уезжала, он так в глаза посмотрел, что у меня мороз по спине пробежал: смотрел, словно прощался навсегда. (Взгляд оказался и в самом деле прощальным - Максим Егорович Горошников не вернулся с фронта. - авт.) Но вовремя опомнилась. Опять съездила в райком, попросила перевести меня в Тавду. Мне повезло - в Жиряково вернулся

комиссованный солдат с фронта, вот его и поставили командовать сельсоветом. И весной 1944 года я стала редактором городского радио.

Сорок пятый год надвигался тревожно. Хоть и поговаривали, что недалёк конец войны - советские войска уже за границей нашей страны бьют фашистов - но до того времени дожить ещё надо. А как? На пять ртов: я, мама, трое детей - одна я работница. Младшая доченька, Люсенька, болевшая рахитом, умерла, похоронили мы её в одной могиле с одинокой старушкой - денег на пышные похороны дочери не было - зарплата служащей была невелика. Впрочем, так поступали многие тавдинцы, кому особенно трудно жилось.

Могильщики закопали могилу, на которой не было установлено ни креста, ни памятника, огладили её бока лопатами и ушли. А мы остались. Мальчишки стояли молча, Лидушка куксилась, прижавшись к маме, а я стояла, как соляной столп, всё во мне заглодело. Мама даже за руку меня дёрнула: «Ты поплачь хоть, что ж ты така бесчувственна!» А я не бесчувственная была, просто я уже выплакала все слёзы за годы войны, не было уже этих слёз.

Того, что я получала по карточке служащей и четырём иждивенческим, было мало. Если удавалось отоварить карточки за несколько дней, то мама шла на рынок, продавала хлеб и покупала картошки – так было выгоднее: булку хлеба съедали за день, а купленной картошки хватало на два-три дня. Однажды в Тавду прислали подарки из Америки (так звали США). Одна из посылок досталась мне. Думали, в посылке продукты, а когда вскрыли пакет, там оказались ботинки и два белых платья, которые пришлись впору Лиде. Однако белые платья – непрактично, поэтому одно платье я покрасила раствором красного стрептоцида, а второе – хинином. И гардероб Лиды пополнился двумя платьями – красным и жёлтым. Ботинки отдали соседке, они пришлись по ноге её маленькой дочери.

Летом, как и в селе, перешли на «подножный корм» - Витя, прихватив Генашку, бегал на реку рыбачить, а то уходил с ребятами в лес по грибы.

Весной с окрестных дворов выдирали молодую крапиву и лебеду, а в лесу выискивали съедобные корешки и травки, которые я показала ему, когда он сопровождал меня в походах по сёлам - пригодилось то, что узнала в детстве от соседки Марты-пастушки, когда я с родителями жила в селе Богандинка неподалёку от Тюмени. Однажды Витя прибежал ко мне на работу, принёс в кепке три сваренных в кожуре картофелины: «Покушай, мама!» - «Где взял?» - нахмурилась я сурово. - «Не думай, не украл, - заулыбался сын, - это я заработал - на базаре мешки помогал разгружать!» Я взяла одну картофелину и тотчас отвернулась, чтобы не видел сын благодарную слёзину, выкатившуюся из глаза - сын не съел картошку сам, а принёс мне.

К осени накопили картошки, которую посадили вдоль железной дороги одними глазками да очистками. Думали, что ничего и не вырастет, однако накопили восемь вёдер - два мешка. То-то было радости: ешь - не хочу! И в первый день напекли драников, наелись до отвала. Но до нового года весь урожай съели...

Отличился однажды и Генашка: взял купюру двадцатьпятку из заветной шкатулки, где хранились деньги, накупил на базаре пирожков, радуясь, что хватит всем. По дороге домой забежал ко мне, дескать, пусть и мама поест горяченьких пирожков. Я вытащила из газетного кулька один пирожок и заметила стыдливый голодный взгляд одного из работников. У меня кусок в горле застрял, и, вздохнув, угостила товарищей пирожками. Генашка отправился домой налегке, дожёвывая последний пирожок.

Весна навалилась на меня глухой тоской: не могла я смотреть в голодные глаза детей – растущие организмы требовали калорийной еды, а её как раз и не было. Младшие дети не хныкали, а если начинали - тут же получали от Вити подзатыльник, видимо, помнил наказ Максима жалеть мать, помогать ей. Витя рос отчаянным, боевым парнем. Маме Витька дерзил часто, и столько она сломала о его непокорную голову деревянных ложек, что и со счёта сбилась. Однажды села и заплакала:

- У-у! Ирод окаянный, все ложки об его башку переколотила, а ему всё нипочём!

И всё-таки случалось, что мальчишки не выдерживали голодухи, лазали по огородам: то морковки надёргают, то репы, то подкопают куст картошки, наберут десяток клубеньков, уйдут в Сталинский сад (так звали в Тавде сосновый парк), разведут костёр и запекут картошку. Но братья всегда стояли друг за друга горой, и однажды Генашка спас Витины уши, а может, и спину от основательной экзекуции.

Витя с дружками залез в соседний огород, но, на беду, хозяин увидел маленьких проказников, схватил берёзовый дрын да помчался за мальчишками. Витя прибежал домой, нырнул со страху в подполье. Догадливый Генашка тут же раскатал по крышке-западне самотканый половик, поставил табурет и уселся на нём, держа в руках мою гитару. Сидел, брякал по струнам и залихватски пел охальные частушки. Хозяин огорода сразу с порога: «Мать-перемать, где твой такой-сякой-долбанутый брат?» А Генашка спокойно ему в ответ, дескать, на рыбалке он, а сам опять заголосил.

Плюнул с досады мужик и удалился.

Кое-как перезимовали: хорошо, что хоть крыша над головой есть (мне квартиру дали, как вернулась в Тавду, в Доме учителей), и дров удалось достать - дома тепло, не то что на Четырнадцатом в тележной мастерской. Но голодно по-прежнему. Мне ночами не спалось, всё думала-думала: «Максимушка, где ты? Который год нет весточки от тебя! Приезжай, хоть какой больной или увечный!» – но надежда на возвращение мужа таяла с каждым днем: был бы жив – дал бы, наверное, о себе знать. А в плен Максим бы не сдался - очень предан советской власти, он же за неё ещё в гражданскую воевал.

И опять страшная мысль пришла в голову: отравить всю семью и самой отравиться. Что ждёт их впереди? Прокормить, образование дать им я одна не в силах. И тут же разозлилась на себя: Максим в Еланских лагерях наказывал беречь детей, а она опять про смерть думает!

Так и не сомкнула я глаз до утра в ту ночь, растревоженная воспоминаниями. А в голове одна к другой складывались строчки:

*В поле плачет вьюга и хохочет метель,
на дороге маячит одинокая тень.
Ветер бьёт её сбоку, и в затылок, и в грудь,
только негде той тени прикорнуть, отдохнуть.
Тень прошла все дороги, все овраги, леса,
в кровь истерзаны ноги, в седине волоса.
Ей пора отдохнуть бы, только где же тот дом,
где согрели её бы, обласкали теплом?
И бредёт, спотыкаясь, бесприютная тень,
как былинка, качаясь, ищет светлый свой день...*

Победа ворвалась в наш дом вместе с ликующим голосом радиодиктора Левитана. Никто, как он, не мог произнести с такой завораживающей силой: «Говорит Москва! От советского информбюро!..» Этот голос звучал из чёрных тарелок громкоговорителей, которые были включены днём и ночью, чтобы не пропустить сводку с фронта. К нему привыкли, по интонации могли уловить, какую он скажет весть - радостную или горькую. И в том, и в другом случае дрожь пробегала по спинам, и недаром ходил по стране анекдот: Гитлер, якобы похвалялся, что, войдя в Москву, первым делом разыщет Левитана и повесит его за язык.

Весенние ночи на Урале светлее день ото дня, в мае они - ясные, тихие, почти летние. Я часто с вечера долго вертелась, ворочалась в постели - бессонница одолевала вместе с невесёлыми думами. Вот и 9 мая, в тот незабываемый день, лишь под утро сумела заснуть, и вдруг...

- Говорит Москва! - грянуло по дому так ликующе, что даже спросонок поняла: Левитан сейчас что-то важное сообщит, вероятно, даже о Победе, ведь советские войска уже в Берлине, над рейхстагом - красный флаг. Я машинально посмотрела на часы-ходики: не пора ли на работу.

А голос Левитана набирал силу, и сказал, наконец, самое главное, самое важное и долгожданное слово - «Победа!!!» Немцы подписали безоговорочную капитуляцию!

В доме захлопали двери, Ксения-соседка, такая же бедолага-солдатка, как и я, забарабанила кулаком в дверь нашей квартиры:

- Паня-а-а!!! Победа!

Не дослушав до конца сообщение Левитана, на ходу надевая халат, босиком выскочила во двор, где уже собрались все, кто жил в Доме учителей. Люди обнимались, кричали всяк своё, не слушая друг друга. Вслед за мной из дома вылетели Витя с Геной, размахивая красным выцветшим платком, в котором я исходила все дороги Жиряковского сельсовета. Мальчишки выломали штакетину от забора, прибили к ней платок, влезли на крышу, и затрепетал над домом флаг, захлопал на ветру, а мальчишки восторженно выплясывали на самом коньке немыслимый дикий танец под громкое «ура!», которое от нашего дома катилось куда-то в центр города.

Я спохватилась, вбежала в дом, быстро оделась и поспешила на работу. На улицах уже было полным-полно людей, все, как и я, спешили на свои заводы, туда, где проработали всю войну, к тем, с кем делили тяготы военной жизни. Каждый, видимо, думал, что именно он первый принесёт весть о Победе, работавшим в ночную смену. Знакомые и незнакомые, плача и смеясь, приветствовали друг друга, обнимались и бежали дальше.

Моё сердце бухало, словно молот (сердце болело у меня с детства из-за перенесённого ревматизма), задыхалась, но ни разу не остановилась отдохнуть, пока не добежала до лесохимической артели имени Кирова, куда направили меня замполитом после ликвидации городской радио-редакции. Во дворе артели бушевало море улыбок, женщины размахивали косынками над головой, мужчины подкидывали вверх кепки. Лица - светлые и радостные, только нет-нет да блеснёт на глазах слеза у тех, кому ждать с фронта уже некого.

- Ну, замполит, с Победой нас, с великой Победой! - такими словами встретил меня председатель артели Фёдор Иванович Зенков и расцеловал в обе щеки. - Начинаем сейчас митинг, тебя ждали, знали, что прибежишь, - и закричал во весь голос: - Товарищи! Все вы слышали по радио, что немцы капитулировали! Войне - конец! Скоро ваши мужья и сыновья, отцы и братья с победой вернутся домой! Слава им, товарищи!

- Ур-ра-а!!! - взметнулось ввысь.

- Мы... - хотел продолжить свою речь Зенков, но вдруг споткнулся на слове, вытер глаза рукой и шепнул: «Говори сама, Павла Фёдоровна, не могу я! Мой-то сын не дожил до победы...» - и отвернулся, чтобы скрыть набежавшие слёзы, лишь плечи заходили ходуном от сдерживаемых рыданий.

А у меня горло тоже перехватило спазмом, я прижала ладони к шее, словно хотела помочь словам прорваться наружу, но слова застряли, и я несколько секунд стояла, онемевшая, перед людьми, сумев лишь выговорить:

- С Победой вас, дорогие товарищи... - и тоже заплакала – тихо, горько, и люди поняли, почему не могу говорить: муж мой уже не вернётся с войны, потому что «пропавший без вести» к концу войны, когда уже исчезала надежда на возвращение фронтовика, очень часто значило - «погибший».

В тот день заводы не работали, это был первый за всю войну радостный выходной день. По такому случаю в заводских столовых для рабочих устроили праздничный бесплатный обед, прибавив к нему и сто грамм водки. И хотя все поздравляли друг друга с победой, в иные стопки капали слёзы горечи - не все вернутся домой...»

PS: моя мама, Павла Фёдоровна Горошникова, умерла 5 июня 1976 года. По её инициативе в Тавде был воздвигнут памятник воинам, не вернувшимся с войны. Имена братьев Горошниковых занесены в городскую книгу Памяти, которая находится в городском краеведческом музее Леса.

«НАС БОМБЫ РВАЛИ НА КУСКИ...»

С Михаилом Никитовичем Скориком я познакомилась в 1983 году, когда стала работать в газете «Волжский шинник». Деликатно постучав в дверь, Скорик заходил в редакцию, показывал свои воспоминания о войне, иной раз говорил, слегка смущаясь: «Я принёс вам новый стих...» В то время он работал заместителем начальника военизированной охраны завода. Мы читали его стихи и тут же ставили в очередной номер практически без обработки, потому что Михаил Никитович всегда очень внимательно прислушивался к нашим замечаниям, переставлял строки и слова, что-то выбрасывал, бывало, вообще переписывал всё заново. Стихи были простые по слогу, но чёткие и правдивые, запоминались почти сразу, потому что были именно правдивые солдатские стихи, ведь Скорик прошёл войну дважды - с запада на восток до Сталинграда и обратно. Причём Сталинград он защищал на дальних подступах к городу, где была настоящая «мясорубка», но именно там начала «коваться» будущая победа на Волге. Много полегло бойцов: ожесточённые бои шли по всей линии немецкого наступления. Часть, в которой числился Михаил Скорик, оборонялась под хуторами Вертячий и Паньшино в районе станицы Качалинской. А гнать фашистов на запад ему довелось от Котлубани...

Стихи Михаила Никитовича я увидела раньше, чем с ним познакомилась. Мне дали листок бумаги, исписанный крупным, совершенно не «мужским» почерком, и я прочла:

*Нас бомбы рвали на куски,
Насквозь нас пули прошивали,
А мы, примкнув к стволу штыки,
В атаки снова поднимались...*

В этих строках - и самоотверженность, и героизм, и вера в победу. «Надо же, - удивилась я, - как здорово сказано! Точнее и не скажешь про русского солдата!» Наши солдаты в самом деле в первые дни войны шли в атаку с винтовками-трёхлинейками и побеждали врага, вооружённого «до зубов». Победили и в Сталинграде, так что с заранее заготовленного немцами

литографского камня с надписью «Сталинград пал» (он был обнаружен в конце войны в Харькове) не было сделано ни единого оттиска, потому что Сталинград не пал. Камень тот экспонируется теперь в Музее-заповеднике «Сталинградская битва».

Михаил Никитович Скорик воспоминания о той беспощадной кровавой битве, свою гордость солдата-победителя облакал в стихи, и трудно счесть, сколько их, посвящённых именно Сталинграду...

*Мы от родимого крыльца
В огонь бушующий шагнули.
И до победного конца
Нам песни смерти пели пули.
Летят над Волгой журавли,
Печален крик их в небе синем.
Мы всё свершили, что могли,
Спасли от варваров Россию.
И я тогда был с ними рядом
В сражении под Сталинградом,
Но напоролся на металл –
Моё он продырявил тело,
Хотя смертельным было дело,
Я богу душу не отдал.
Ребята ж пали в той атаке,
И будто бы алели маки
На том снегу, где я лежал...*

Так кто он, солдат своей Отчизны, защитник Сталинграда, русский украинец и волжский поэт, Михаил Никитович Скорик? Вот об этом и хочу рассказать.

Михаил Никитович Скорик родился на Украине 20 августа 1918 года в селе Подгоровка Лисичанского района Луганской области.

Служить в армию его призвали в 1938 году и направили в погранвойска. Перед самой войной он оказался в 95-ом пограничном отряде на советско-венгерской границе неподалеку от села Шибены у подножия Чёрной горы. Так же называлась и погранзастава, которая стояла на берегу своенравной горной речки. Это было тихое место среди густого леса, лишь быстрая река под скалой нарушала тишину своим бурчанием.

От границы вглубь страны на много километров не было никого, кроме пограничников. Не было ни специальных укреплений, ни воинских частей, впрочем, это не удивительно, потому что новая граница с Венгрией была образована только в 1939 году. Она находилась от погранзаставы километрах в семи, проходила по вершинам гор, и пограничным нарядам ежедневно приходилось подниматься в полном боевом снаряжении на высоту около полутора километров.

Лишь примерно за месяц до начала войны на погранзаставе появилась рота сапёров. Покопались несколько дней в каменистой земле неподалеку от границы в горах, а потом уехали.

Скороку через несколько дней после отъезда сапёров приказали срочно доставить секретный пакет в комендатуру, расположенную в небольшом городке Жабье. Михаил оседлал коня и помчался выполнять задание.

Ночь наступила, как всегда на юге, внезапно, лишь луна освещала путь. Вокруг - тихо и безлюдно, тишину разрывал только дробный перестук копыт коня. Скорик, помня предупреждение командира о бдительности, держал автомат в боевой готовности. В комендатуре вручил пакет дежурному и тронулся в обратный путь. На заставу Скорик вернулся в час ночи, обиходил коня, лёг спать, а через час его разбудили, и он ушёл в наряд с пограничником Черновым. В полной темноте - луна уже спряталась где-то за горами - они поднимались в гору к месту своего секрета. Стояла тишина, от которой звенело в ушах. По дороге встретили возвращавшийся с границы наряд, обменялись паролями и пошли дальше. И снова всё затихло. Понемногу светало, шёл уже четвёртый час 22 июня 1941 года...

Чернов услышал первым какой-то далёкий гул, и вскоре пограничники увидели самолёты, которые шли на восток, их было много, и потому, что летели далеко от секрета, были похожи на стаю чёрных птиц. Гул нарастал с каждой минутой. Дозорные удивились такому явлению, но даже мысли не возникло, что началась война, о которой они узнали, вернувшись на заставу.

Гитлер планировал всего 30 минут на захват каждой заставы на западном рубеже (их было более четырёхсот), но пограничники стояли на пути фашистов, не пуская их вглубь страны, часы, сутки, недели... Больше всех сопротивлялась Брестская крепость - до 20 июля.

Но война не касалась 95-го погранотряда несколько дней: по-прежнему наряды уходили на охрану границы, где не происходило ничего необычного, даже нарушителей не было. А в это время венгерское правительство решало вступить или нет в войну на стороне Германии. Решив, дало приказ перейти границу Советского Союза 27 июня, и 95-й погранотряд тоже оказался в зоне военных действий.

Командир заставы, где служил Скорик, понимал, что небольшой гарнизон не сможет противостоять многочисленному противнику, потому пограничники стали отступать для соединения с погранотрядом, успешно сдерживая огнём венгерские войска: вооружения и боеприпасов было достаточно. В тыл вела единственная дорога, сжатая с двух сторон горами, и противник не мог обойти пограничников, увеличить количество солдат на узкой дороге он тоже не мог, да и красные мундиры венгров на фоне зелени были хорошо видны, потому они несли большие потери.

- В общем, дали мы венграм «прикурить», - подытожил Скорик рассказ про отступление, - и с погранотрядом соединились практически без потерь с нашей стороны.

Однако дорога наконец-то «вырвалась» из плена гор, и в одном из городков венгерские войска едва не разгромили отступавших пограничников. Нападение было столь стремительным, что они не успели собрать станковые пулемёты: ради экономии места в кузова машин кожухи «максимов» были

погружены отдельно от станков. И тогда Скорик велел одному из пулемётчиков установить кожух себе на спину (молодой, сильный да выносливый был) и ударить по наседавшим венграм. Пока другие пулемётчики ставили «максимы» на станки, друг Скорика «поливал» огнём преследователей. Так и отразили атаку врага, но спина сержанта Скорика за это время превратилась в один сплошной синяк (ствол во время стрельбы подскакивал), причём кожа была обожжена от накалившегося во время стрельбы кожуха.

Погранотряд вскоре влился в действующие войска. К тому времени немцы уже заняли Харьков. Советское командование решило совершить рейд по тылам противника, чтобы дезорганизовать его. Часть пограничников, в том числе и Скорик, были зачислены в рейдовый отряд. Солдаты прошли около двухсот километров по немецким тылам, громя коммуникации и военные склады. В одном из боёв, уже на выходе к своим, Скорика ранило, и его отправили в госпиталь в Астраханскую область.

Ранение было довольно серьёзным, «тянуло» на комиссование, но Михаил того не хотел: считал, что способен воевать, потому попросил медкомиссию направить его на фронт. Председатель комиссии в его просьбе отказал, и Скорик отправился к военкому. Тот решил - пусть парень послужит в тыловой части, окрепнет: «Будешь потихоньку службу нести да выздоравливать». Так Скорик оказался в самом, что ни есть тылу - в 54-ом укрепрайоне «аж под Сталинградом». Военком полагал, что это - глубокий тыл, где можно служить по принципу «солдат спит — служба идёт». Но получилось совсем не так.

Во второй половине марта 1942 года Военный совет Юго-Западного направления (главнокомандующий Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, член Военсовета Н. С. Хрущёв, начальник штаба генерал-лейтенант И. Х. Баграмян) подал предложение в Ставку предпринять наступление с участием Юго-Западного, Брянского и Южного фронтов для ликвидации крупной немецкой группировки в районе Гомеля, Киева, Черкасс,

Первомайска, Николаева. Ставка не имела достаточно сил для проведения такой крупной наступательной операции, потому отвергла эту смелую инициативу и дала указание маршалу Тимошенко разработать план по разгрому лишь харьковской группировки немцев и освобождению Харькова, который был занят немцами 24 октября 1941 года. Далее планировалось наступление на Днепропетровск.

Численность советских войск, задействованных к началу этой операции, составляла около 400 тысяч человек (27 стрелковых дивизий, 20 танковых бригад, 9 кавалерийских дивизий, 3 мотострелковые бригады). Немецких войск в районе операции – было около 250 тысяч человек (8-й, 17-й, 29-й, 51-й корпуса, в сумме – 13 пехотных и 2 танковые дивизии).

Наступление советских войск на Харьков началось утром 12 мая 1942 года и первое время шло успешно: советские войска прорвали оборону 6-й немецкой армии севернее и южнее Харькова и в результате пятидневных ожесточённых боёв продвинулись до 50 километров. Однако немцы уже имели в том районе крупные силы, потому армейское соединение «Клейст», в состав которой входили 17-я и 1-я танковые армии, 17 мая изменили обстановку в свою пользу и развили наступление против 9-й и 57-й армий Южного фронта, прорвали их оборону и принудили к отступлению, продвинувшись в глубь нашей обороны на 20 километров.

18 мая немецкие войска отеснили советскую 9-ю армию ещё на 20-25 км, заняли Барвенково и подошли вплотную к Изюму.

Продолжая наступление на север вдоль реки Северный Донец, немецкая группировка поставила в столь тяжёлое положение войска Юго-Западного направления, что командование запросило у Ставки подкрепление, которое было выделено, но войска могли прибыть на место лишь спустя три-четыре дня, и 19 мая Ставка приняла решение о прекращении операции и дала указание командованию Юго-Западного фронта принять меры к отражению немецкого наступления силами 6-й армии советских войск, но время было уже упущено: инициатива перешла в руки немецкого

командования. Потому 23 мая войска армейской группы «Клейст» и 6-й армии Паулюса соединились, окружив часть харьковской группировки наших войск западнее р. Северный Донец. И до конца мая эти войска с тяжёлыми боями отдельными группами вырывались из окружения и переправлялись на восточный берег Северного Донца. 28-я армия Юго-Западного фронта тоже была вынуждена отступить на исходный рубеж. Противник же продолжал развивать достигнутый успех и к концу июня заставил левое крыло Юго-Западного фронта отступить за реку Оскол.

В последующие дни немецкие войска сжимали кольцо окружения, уничтожая или беря в плен советские части. 28 мая из окружения смогли прорваться на восток остатки частей 6-й армии, среди них были комиссар Гуров и начальник штаба 6-й армии генерал-майор Батюня. Заместитель командующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Костенко, командующий 6-й армией генерал-лейтенант Городнянский, командующий 57-й армией генерал-лейтенант Подлас, командующий армейской группой генерал-майор Бобкин и ещё несколько советских генералов погибли. Всего в ходе этой операции Красная Армия потеряла безвозвратно (убитыми и пропавшими без вести) – 170 тысяч человек, и ранеными – 106 тысяч, то есть почти половину войск, нацеленных на Харьков. Помимо людских потерь, материальные потери только 6-й, 9-й, 57-й армий и армейской группы Бобкина составили 143 тысячи винтовок, 9 тысяч автоматов, 3,6 тыс. пулемётов, 552 танка, 1.564 орудий, 3.278 миномётов, 57,6 тыс. лошадей. За неудачу этой операции был наказан начальник штаба Юго-Западного направления генерал-лейтенант Баграмян – распоряжением Сталина он был понижен в должности до начальника штаба 28-й армии.

Неудачная попытка освободить Харьков значительно ослабила Красную армию и позволила немецкой армии после некоторой подготовки и далее развивать наступление, совершить прорыв на стыке Юго-Западного и Южного фронтов, что дало возможность далее развить успех в двух направлениях - на Сталинград (группа «Б» под командованием фельдмаршала

фон Бока в состав которой вошли 4-я танковая, 2-я и 6-я полевые армии и 2-я венгерская) и на Северный Кавказ (группа «А»).

Группировка советских войск на юго-западном направлении в конце июня 1942 года оказалась слабой, и противник стал накапливать на этом направлении силы для наступления и её окружения. Ставка Верховного Главнокомандования, разгадав замысел противника, вовремя отвела войска. Противник на широком фронте в период с 28 июня по 24 июля продвинулся вперёд на 150-400 километров, форсировал Дон в его нижнем течении, занял Ростов-на-Дону, а 23 июля Гитлер подписал директиву № 45 о продолжении операции под кодовым наименованием «Брауншвейг»: группа «А» по-прежнему захватывает Кавказ, а группа «Б» силами 6-й полевой армии Паулюса должна овладеть Сталинградом, который 22 и 23 июля немецкая армия подвергла жестокой бомбардировке. Но впереди была более страшная бомбардировка, превратившая город в руины - 23 и 24 августа, дни, которые никогда не сотрутся из памяти сталинградцев, память эту они передадут будущим жителям Волгограда - так стал называться в 60-х годах двадцатого века Сталинград...

Михаил Скорик, оказавшись в 54-ом укрепрайоне, где формировалась новая войсковая часть - 226-й отдельный артиллерийско-пулемётный батальон, оснащённый 76-миллиметровыми пушками, даже не подозревал, что его батальон, включенный позднее в состав 62-й армии В. И. Чуйкова и переданный в оперативное подчинение 4-й танковой армии, окажется на одном из самых опасных направлений наступления фашистов по пути к Сталинграду: из огня да в полымя.

- Нас довели почти до Сталинграда, - вспоминает Михаил Никитович, - мы выгрузились на станции Лог, остановились в хуторе Озерки, а потом, совершив марш-бросок, заняли позиции на левом берегу Дона в районе хутора Вертячий станицы Качалинской и хутора Паньшино. Немцы отгеснили наши войска к Дону и бомбили их на переправе. Они были так близко, что мы видели шлейфы пыли: там шла немецкая техника. Был июль, жара стояла

страшная. Бои только начинались где-то на дальних подступах в обширных донских степях, но их горячее дыхание доносилось и до нас. Тяжело постанывая и охая, вздрагивала земля, а когда опускались сумерки, чёрное небо впереди озаряли огромные огненно-красные сполохи. В ясном безоблачном небе с самого раннего утра повисали «рамы» - вражеские самолеты-наблюдатели. «Юнкерсы» бомбили прибывающие на станцию эшелоны с боеприпасами. Однажды после полудня, наблюдая с тревогой за противоположным берегом Дона, окутанным чёрным дымом и густой пылью, который далеко просматривался с артиллерийских позиций, мы стали свидетелями редкого воздушного боя. Это был поистине захватывающий и полный драматизма поединок, исход которого нетрудно было предугадать, если иметь в виду, что вели его между собой лучший немецкий истребитель «мессершмитт» и советский легкомоторный По-2, по-видимому, возвращающийся из разведки. Пользуясь большим преимуществом в скорости и высоте, «мессер» набрасывался на него, поливая свинцовым огнём. Видя, что наш лётчик оказался в критическом положении, мы уже подумали: «Жаль, браток, что ты отлетался». Но, видимо, искусным воздушным бойцом оказался наш сокол, имел крепкие нервы, если всякий раз, когда фашист в очередной раз бросался на него, он умело уходил от его смертоносного огня. Под защитой неглубоких балок, которыми изобиловали те места, По-2 пересёк Дон и оказался прямо над Качалинской. Фашистский лётчик тут, на открытом месте, и решил расправиться с ним окончательно, кинувшись яростно в очередную атаку, которая, как оказалось, стала для него последней - не выйдя из крутого пике, немец врезался в сухую донскую землю неподалёку от станции и взорвался. А наш юркий самолёт, совершив ловкий маневр почти у самой земли, благополучно приземлился недалеко от дороги. Не знаю фамилии этого человека, но, думаю, этот смелый и опытный лётчик доставил ценные сведения нашему командованию после разведки.

И на земле бои были не менее трагическими, как и в воздухе, потому Михаил Никитович продолжил свой рассказ с грустью:

- Смерть успевала за ночь вырвать многих из наших рядов. Там, у Вертячего, на каждом метре можно поставить памятник павшим солдатам. Нашу часть считали одно время уничтоженной, потому что по всем правилам военного искусства так и должно быть - вокруг немцы, боеприпасов нет. Но мы вышли к своим, и лишь тогда узнали, что на наш батальон уже приготовлены «похоронки», но, слава Богу, задержались с отправкой. И всё-таки многие из них были отправлены, потому что в батальоне из шестисот человек осталось полсотни. В соседнем батальоне, который был в Паньшино, и того меньше - двадцать человек. Их собрал вместе по окопам комиссар Золотов. Из действующего оружия у них оставался только пулемёт, к другому вооружению боеприпасов уже не было. И тогда пулемётчик предложил погрузить раненых на единственную полуторку, которая ещё была на ходу, установить на крыше кабины пулемёт, включить фары и прорываться ночью с боем к своим. Так и сделали. Немцы, конечно, считали, что на позициях никого нет, и, представляю, как они были ошарашены, когда из темноты возникли два светящихся круга, из которых строчил пулемёт. Словом, ребятам удалось вырваться из окружения почти без потерь. Так что эта атака с горящими прожекторами, которую советские танкисты применили при штурме Берлина, выходит, была придумана ещё под Сталинградом.

Человек не может хранить в памяти только страшные и тяжёлые воспоминания, его память сохраняет и весёлые эпизоды, которых немало бывает даже во время войны. Вот и Михаил Никитович поведал о таком:

- Помню, осень 1942 года была очень туманная. Немцы сбрасывали для своих солдат тюки с продовольствием и прочей всячиной. Мы заметили, что когда появляются самолёты, немцы пускали сигнальные ракеты, указывая расположение своих позиций. Откуда ракеты, туда и груз сбрасывается. Вот мы и дурили немцев: только услышим звук моторов немецких самолётов,

старались вперёд противника пустить ракету, так что не раз получали посылки вместо немцев.

А потом была Котлубань, наступление на окружённую группировку немцев. Бои за Конный разъезд, Госпитомник, аэродром Гумрак...

19 ноября 1942 года в часть, где воевал Скорик, позвонили из штаба: «Слушайте музыку!». Все знали, что значит на военном языке «музыка», но не думали, что она будет столь громкой. Не зря этот день считается Днём артиллеристов - наши гаубицы били из Гумрака по немецким позициям несколько часов, позиции немцев смешивались с землей, ужас царил в сердцах захватчиков.

Как приятна для солдата

Эта «музыка» войны.

Лишь была бы не с обратной,

Только с нашей стороны.

- С того дня, — сказал Михаил Никитович, - мы поняли, что немец уже не тот. Нас перевели к тому времени под Котлубань, а уж оттуда мы вышли к Сталинграду, как раз к немецкому военному аэродрому. Это было 1 февраля 1943 года.

Настроение у победителей было самое радужное, оттого появилась и беспечность. И вот из-за этой самой беспечности Михаил Скорик чуть было не попал в беду. Командир артбатальона, куда перевели Скорика, приказал ему подобрать несколько водителей, найти машины (брошенной немецкой техники вокруг Сталинграда было очень много), которые можно было бы использовать как тягачи для пушек, и пригнать их в расположение батальона. Технику нашли, однако трофеи никто не имел права трогать кроме трофейного отряда, именно на этот отряд их колонна и наткнулась, когда следовала в расположение батальона. Скорика, как старшего команды, чуть не арестовали, но командир трофейного отряда понимал, что Скорик обязан выполнить приказ своего командира, потому отправил его в часть за

официально оформленным документом, что артиллеристы нуждаются в тягловой силе для своих пушек.

Скорик поспешил обратно в часть, всё оформил, как следовало, и решил вернуться к трофейщикам налегке - без автомата и солдатского вещмешка-«сидора». Шёл пустынной степью, которую заливал лишь лунный свет, радовался свободе, морозному воздуху, тому, что жив-здоров, что скоро будет наступление... Шёл-шёл и неожиданно наткнулся на группу вооружённых немцев. Михаила сразу холодный пот прошиб, ведь он - один и безоружен, а немцев более десяти, в руках каждого - автомат. И тогда Михаил сунул кулаки в карманы, оттопырил их, словно там гранаты. Немцы повели себя вполне мирно, спросили, где «есть плен». Когда Скорик понял, чего добиваются от него немцы, махнул рукой в сторону своих, там, дескать, плен, идите туда, а сам направился в другую сторону. Шагал в ожидании автоматной очереди в спину - вот пристрелят его и пойдут себе спокойно «где есть плен». Но, видимо, это не его смерть была, немцы пошли своей дорогой, не тронув одинокого советского солдата.

После Сталинграда войска отвели на исходную точку - туда, откуда началось общее наступление, а потом часть Скорика перевели под Москву на переформировку. И вновь горячие бои - на Орловско-Курской дуге. Потом наступление севернее Киева на Западную Украину, на Львов после боев под Житомиром, выход с боями к Тернополю. Михаил Никитович участвовал также в освобождении Петрозаводска и Эстонии. А вот границу Советского Союза не пересёк: его направили в Омское танковое училище в начале марта 1945 года. А вообще-то бывших пограничников оставляли на линии границы для её восстановления после перехода советских войск на территорию другой страны. Однако советское командование уже думало о будущих армейских кадрах, потому многие офицеры начинали свою долгую службу в армии именно с военных училищ ещё до окончания войны.

- Я дважды прошёл войну — с запада на восток и с востока на запад. И, считаю, в войне, главным поворотным моментом стал именно Сталинград.

Это была главная точка отсчёта конца войны, - уверенно сказал Скорик. - Конечно, наша победа начала коваться и обороной Брестской крепости, боями за Одессу и Севастополь - каждое сражение, даже во время отступления, мы приближали нашу победу, потому что становились не только злее, но и опытнее в военном деле. И в Сталинграде мы доказали, что мы более умелые воины, умеющие смотреть намного дальше, чем немецкое командование. И покатила война в обратном направлении...

Была уже освобождена его родная Украина, наши войска приближались к Берлину, во всём чувствовалась близость Победы. А Михаил учился в Омске, не предполагая, что судьба готовит ему неожиданную встречу с родителями, и что день Победы он встретит в отчем доме.

Скорик ничего не знал о своих родных, как и они ничего не ведали о том, где он служит. И тогда его мать, Марфа Владимировна, написала письмо Сталину с просьбой дать отпуск Михаилу, которого не видела с 1938 года, а её возраст преклонный, она может не дожить до встречи с сыном, тем более что один сын уже погиб. Она даже мужу, Никите Михайловичу, не сказала о своём письме. Сейчас, наверное, многим странно и удивительно то, что письмо украинской женщины из бывшей оккупированной фашистами местности, Сталин прочёл и поставил на нём резолюцию найти солдата и предоставить ему отпуск. Приказ Сталина вместе с письмом блуждал долгое время по всем фронтам, и когда достиг всё-таки его части, оказалось, что сержант Скорик направлен на учёбу.

Михаила вызвали срочно к начальнику училища прямо с учебного полигона. Встревоженный непонятым вызовом, он явился в часть грязный, весь в пыли, и начальник училища вручил Скорику отпускные документы.

Михаил прибыл в родную деревню 1 мая. Пробирался к своей хате огородами. Навстречу ему попала соседка, и парень бросился от неё прочь, даже не поздоровавшись, чем немало удивил женщину. А он прежде всего хотел увидеть мать, потому и шёл к дому не улицей.

Марфа Владимировна обомлела, увидев сына, едва не лишилась чувств. А потом прибежал с работы отец - ему о приезде Михаила сообщили соседи. Отец долго ходил по двору, курил, не решаясь войти в хату, потому что не знал, каким приехал сын - израненным калекой или здоровым. А потом родня прибежала, солдатки, чтобы спросить, не видел ли Михаил где-нибудь ненароком их мужей. Всё село перебивало в тот день у Скориков: он был первым вернувшимся в село солдатом.

9 мая Михаила разбудили соседи. Со слезами радости и горя бросились его обнимать и качать - в село пришла весть о Победе. Михаил Скорик потом ещё много лет служил в армии, но в самый главный за время войны день он оказался дома и запомнил это навсегда.

В России Михаил Скорик остался потому, что встретил свою суженую, одну-единственную, с ней он прожил всю свою последующую жизнь - Анечку, Анну Михайловну, которую он потом называл в стихах не иначе, как «моё сокровище».

Михаил Никитович Скорик награждён орденами Отечественной войны I ст., Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Киева», «За оборону Сталинграда». В мирное время его наградили орденом «Знак Почёта». А ещё Михаил Никитович оставил свой след в литературе. Пусть у него нет всероссийской известности, но в библиотеках города Волжский есть его стихотворный сборники «Солдат России» - он всю жизнь прожил в России, хоть и украинец по национальности, но именно Россия стала его родной страной. В 2008 году вышла книга, напечатанная Астраханским издательством, и это тоже символично, потому что из той области из села Грачи начался его путь к Победе после ранения, там зародилась его любовь, туда он приехал после службы в армии, а Волжский стал для него местом счастья и прикосновения к поэзии. В новой книге, которая не зря называется «Строки певучие», всё это отражено, а кроме того, в ней есть повесть о любви украинской девушки Иванны к русскому солдату Ивану. Михаил Никитович долго мечтал напечатать эту повесть, и мечта его сбылась.

Война отзывается в непогоду осколком, который до сих пор находится в нём. Война, строка за строкой, ложится на бумагу, такая, какой он её видел.

Уходят всё дальше

Те годы в закаты.

Русь, Родина наша.

Твои мы солдаты.

Под знаменем алым

Врагов победили.

Там солнце вставало,

Где мы проходили.

Война до сих пор бережит сердце, о ней он рассказывал на авторских встречах в школах, которые мы проводили вместе, потому что мной написано несколько песен на его стихи, в том числе и о Сталинграде, и в них есть признание: «Сталинград, я - твой верный солдат, твой солдат до последнего вздоха...» Кстати, многие волжские самодеятельные композиторы превращали стихи Михаила Никитовича Скорика в песни - такие они мелодичные. В настоящее время Михаил Никитович меньше проводит времени за печатной машинкой, которую я ему когда-то подарила: ветерану в его преклонные годы нездоровится, но память по-прежнему свежа, и то, что она хранит, не стереть как запись с магнитофонной плёнки.